А.Мюлькиянц

Будни пенсионера

SHOUT
SHARE
IT

•

Существуют только две темы, на которые можно говорить, дав волю своей фантазии и не боясь опровержений: можно смело рассказывать о том, что видел во сне, и передавать то, что слышал от попугая. Попугая у меня к сожалению нет… а вот сон мне приснился действительно фантастический.

Баку… конец сентября… Ветреное и прохладное утро на шиховском пляже…народа почти нет. Ничего не оставалось, как ходить по берегу и любоваться морским прибоем. Лишь к одиннадцати из-за облаков выползло ленивое солнце, внезапно осветившее, на фоне чистого, звенящего воздуха, призрачные силуэты, невзначай появившихся, обнаженных людей. Они дружно держались за руки. Многих из них я стал узнавать; кто-то подарил мне даже сдержанную улыбку, как бы подбадривая или что-то прощая. Они остались такими же, какими были во времена моей юности. Воздух ласкал их, солнце любовно золотило своим блеском загорелые тела, превращая их в тлеющие искры. Оживленно двигаясь, люди составляли часть единого целого — света, тепла, воздуха, земли и воды, тесно спаянных и слившихся друг с другом в одном мастерски слаженном организме. Затуманенное мистическое представление исчезло, также неожиданно, как и появилось, а солнце лишь улыбнулось ему вслед.

Охристый молитвенный коврик пляжа, повеселев, заиграл. Тем не менее, купаться я не решался: а надо! Неизвестно, когда еще приеду погостить?

Сняв одежду, долго собирался с духом, кряхтел, охал, смачивал непрогревшейся еще водой отдельные части тела и, наконец, решился окунуться. Минут пять шел… затем, опустив лицо в воду, поплыл, как показалось мне, быстрым кролем. Вода, подхватив меня, просачивалась в волосы, забираясь во все складочки тела. Я нежился в ней, барахтаясь, как мальчишка, кружился на месте.

Минут через десять, запыхавшийся от этой возни, пошел к берегу. И вдруг бесшумно подкравшаяся волна сбивает меня с ног…

Я был разбужен мощным ударом в спину, прервавшим одно из тех сновидений, что грезятся обычно в утренние часы и по своей запутанности представляют одну из неразрешимых задач для врачей-психоаналитиков. Лежу с закрытыми глазами, но чувствую, что не на песке, а чем-то более жестком… ломит спина… встать не могу… с трудом открываю глаза. Видимо все-

таки я проснулся, но лежу почему-то на мокром полу рядом с кроватью, на которой стоит мой ризен и жалобно воет. На одно мгновение у меня, точно у человека, задремавшего у воды и проснувшись бок о бок с голодным крокодилом, помутилось сознание. Спросонья, первое, что пришло на ум — это Каспий, видимо, вышел из берегов. Какой может быть Каспий, если я лежу в Москве на полу своей же квартиры. По-видимому нас все-таки затопили соседи; но почему же тогда стены и потолок абсолютно сухи? Возвращение, пусть даже во сне, в далекие восьмидесятые годы, было для меня столь трепетным, что смазывало впечатление от реально увиденного потопа. Окончательно привел меня в чувство тревожный сигнал домофона.

— Кто там?

— Это маляры, откройте!

— Какие еще маляры? У нас ремонт давно закончен.

— Это маляры из ЖЭка, подъезд будем красить.

— Опять в зеленый?

— Нет, в бежевый.

— Открываю!

Вспомнил, что вчера выездной мастер полдня провозился со стиральной машиной, и в результате за 800 рублей поменял нам какой-то клапан. Зайду-ка я в ванную.

Тут раздается телефонный звонок:

—Господин Майкл Кильянс? Вас беспокоят из почтового отделения 123298. На Ваше имя поступил денежный перевод из Сиэтла; просьба зайти для получения.

— А сколько?

— Мы работаем с 10 до 18, кроме субботы и воскресенья, перерыв с 14 до 15.

— Какая сумма перевода?

— Приходите на почту — узнаете.

— Простите, а как вы назвали фамилию?

— Майкл Кильянс.

— Вы ошиблись, здесь такие не проживают.

Не успел положить трубку, звонок. Никак не доберусь до ванной, разрывают буквально на части, а ведь месяцами иногда никто не звонит.

— Я слушаю вас.

— Алло, здравствуйте! Товарищ Мюлькиянц? Беспокоят из Райсобеса; вы не забыли, что сегодня необходимо получить социальную карту москвича?

— Именно сегодня?

— Да, обязательно! Вам назначен этот день ровно месяц назад при фотографировании.

— Кстати, а как я получился на фото?

— Нормально, как и все. Мы ждем вас, кабинет номер два, до свидания.

— Спасибо! Я весьма тронут.

Наконец открываю двери ванной.

Батюшки мои! Вот оно где море Лаптевых!

Стиральная машина «Канди», заметив меня, сконфужено съежилась и, кокетливо выдав очередную порцию воды, произнесла: «Ну и починил меня хваленый вам мастер!» Да мастер-фломастер! Теперь мы сами наверняка затопили нижних соседей.

Я резко выключил воду, сделал глубокий вдох, включил «Полет шмеля», собрал весь имеющиеся в наличии тряпки в большущие два таза и принялся за работу. Не успел я вылить воду из первого таза, как опять телефон. На сей раз звонит с работы жена:

— Алло, Шурик? Это я, Наташа. Как там наша машина?

— Замечательно.

— Не течет?

— Ни капельки.

— Значит хорошего нам прислали мастера.

— Да, отличного.

— Выключи из сети машину и развесь, пожалуйста, все белье.

— Хорошо.

— А что у тебя такой сиплый голос, что-нибудь случилось?

— Не, все в порядке.

— Ты со Стингом уже гулял?

— Да.

— А что он там так жалобно скулит?

— Скучает по тебе; в компенсацию требует, чтобы я его гладил.

— Слушай-ка, ты собирался кажется на рынок, купи двух живых карпов, только небольших, грамм по пятьсот.

— Обязательно куплю! Я только подумал, что у нас в доме именно рыбы не хватает. Что-нибудь еще?

— Нет, пожалуй все. Тороплюсь на совещание. Не забудь — мы сегодня вечером приглашены в Дом Архитектора на открытие выставки Шурика Путникова. Позвони мне попозже, пока.

— Пока!

Телефон я решил незамедлительно выключить, иначе мы затопим еще и подъезд, вместе с малярами. Высушив полы в квартире, я опрометчиво включил аппарат, и он мгновенно затрещал. Все! Подумал — это наверняка проснулись первые пострадавшие.

— Алло, вы извините, но это опять я. Мы сегодня уже вам звонили.

— Я же вам сегодня уже обещал, что обязательно приеду за социальной картой.

— Да нет же, это говорят с почты. Вы знаете нам кажется, что тот перевод все-таки вам; совпадают номер дома, подъезда и даже квартира. Скажите точно по буквам, как пишется ваша фамилия?

— Диктую: Мюль… ки… янц!

— Это точно вы!

Здесь переставлено просто несколько букв «Майкл… Кильянс». Зайдите пожалуйста на почту с паспортом и мы разберемся.

— Обещаю, только завтра. До свидания.

Мой терпеливый пес впервые за девять лет так злобно на меня рявкнул, что я решил не обострять с ним отношений. Через две минуты мы уже гуляли во дворе. Снега за ночь намело: ни проехать, ни пройти. Настроение у меня, как после экологической передачи Караулова. Решил прогуляться к метро. За стеклянным павильоном «Крокус» на высоком цоколе двенадцатиэтажного дома обычно красовались три двухметровых щита с рекламой предстоящих концертов. Подходим с собакой, а их нет… то есть они по-видимому есть, но доверху засыпаны снегом, причем так тщательно, что только на крайнем правом с трудом можно было разобрать, что представление состоится в концертном зале «Россия», а кто выступает — загадка. Дворникам видно щедро заплатили. Мой Стинг, привыкший к этой рекламе, был удивлен и расстроен больше меня. Он быстрее некоторых, трезво оценив ситуацию, бросился в первый же сугроб и стал его разгребать. Подобрав какую-то палку с гвоздями, подхожу к правому щиту и пытаюсь соскрести снег хотя бы сверху. После десятиминутной кропотливой возни выявилось слово «Триумф». Сложный кроссворд… Что за «Триумф»? Продолжаю дальше… правее… буква за буквой… еще и еще… «джа… за». Ничего себе, я там полы дома драю, а здесь «Триумф джаза». Желая помочь, мой преданный пес вносил лишь суету и я решил привязать его к изгороди. Сам же двинулся дальше… А вот и первый результат: появились светлые волосы и красивый левый глаз… Так это же Лариса Долина! Вот сюрприз! Окрыленный, я сразу же свалил большущий снежный ком. Показались теноровый саксофон и половина лица второго участника «Триумфа»… Привет… а это Игорь Бутман! Прямо-таки концерт-загадка! И это только начало: собачьей интуицией чувствую, что самое интересное еще впереди. Увлекшись раскопкой, не заметил, что за мною наблюдают. Оборачиваюсь и вижу, на ступеньках павильона сидят два

человека с лопатой и бутылкой, молодой и средних лет. Судя по всему, это авторы и исполнители снежных завалов с гордостью любующиеся своим творением. Один из них нехотя встал и медленно направился ко мне. Мой чуткий охранник предупредительно рявкнул. Ранние морщины на лице молодого человека обозначились еще глубже. Он серьезно глянул на меня из-под спутанных волос, разжал руки и, подчеркивая каждое свое слово движением трясущегося указательного пальца, спросил:

— Батя! Ты чего это делаешь? Мы всю ночь с Митрофановичем кувыркались здесь, а ты решил разом все разрушить. Не честно это!

— Но вы же тоже бессовестно завалили всю рекламу, да так, что не угадаешь, куда и зачем нас приглашают.

— Какие тут проблему? Вы главное уже расковыряли. Здесь теперь все ясно: в зале «Россия» выступит Лариса Длина — певица-супер; и джаз поет и попсу не хуже Алсу. Ни один праздник, даже отмененный, без нее не обходится. А слева — Игорь Бутман — самый лучший саксофонист Европы. Бежать нужно за билетами немедленно, а то расхватают. Спасибо, еще скажите, что вовремя засыпали рекламу — народ пока их не видит.

— Хорошо, а как бы все-таки выяснить, кто там еще пониже расклеен? Может вспомните?

— Помню какие-то незнакомые лица, даже негры, и не наши фамилии; по телеку ни разу их не видал. Никак не пойму, зачем вам еще кто-то? Вам мало что ли? Это же наша гордость, самые прикольные из прикольных! Телек наверное не смотрите?

Оказавшись без единого козыря, я не знал чем крыть. Этот молодой человек рожден для монологов, но судьба, как всегда, ошиблась, навязав ему профессию, в которой большую часть времени он был лишен аудитории. Его аргументы были столь убедительны, что я, поняв, что проиграл, молча поплелся домой. Стинг, надеясь по-видимому на более выигрышное завершение нашей встречи, упрекнул взглядом мою слабость. Придя домой и накормив собаку, я решил тут же позвонить в «Россию», но телефоны и касс и администратора были заняты. А мне бежать за карпом и в Райсобес. Кстати, «Собес» — это древнее название конторы, а сейчас просто — «Управление социальной защиты населения».

Многое, надо сказать, изменилось в нашей жизни в XXI веке, но не все в лучшую сторону.

Захожу на излюбленный рынок у метро «Щукинская». Вдали замелькал транспарант «Карп живой». Очередь небольшая — человек пять-шесть. Шустренький продавец, весьма артистично,

сачком вылавливал рыбешку из деревянной бочки.

— Молодой человек, карп действительно живой, или…?

— Вот же написано, аж какими буквами.

— Что написано вижу, но он какой-то невеселый?

— Дедуля! А вам шоу что ли нужно? Замерз он просто.— Вокруг развеселились.

Подходит моя очередь; достаю из кармана шпаргалку: мне желательно два карпика, грамм по пятьсот.

— Таких не подберу, это же не килька. Вам для аквариума что ли? Чего мельчить, возьмите сразу одного на целый килограмм.

— Нет, желательно два.

— Сейчас попробуем, вот один и второй, гляньте красавцы-то какие, близнецы видно. Грамм по семьсот годится?

— Вполне.

Бросает в черный целлофановый пакет и на весы.

— Ровно полтора килограмма, а с вас всего 120 рублей. Расплачиваюсь и бегом на подошедший трамвай. По оживленной беседе пассажиров догадываюсь, что весь вагон, включая контролера и вагоновожатого, нацелился в собес, и именно за социальной картой москвича. Надо быть пошустрее! Из вагона выпрыгиваю первым. В собесе из второго кабинета толпа, в которой сразу узнаю беспрерывно чихающего старика со старухой, здесь же месяц назад заразивших меня каким-то суровым малоизученным гриппом. Решил поздороваться, но почему-то они не ответили, то ли не услышали, то ли не поверили, что выжил.

Бабуся была вся закутана шалью. А вот дед снял шапку и держал ее в руках. Обожгите трижды гипсовый бюст в печи, и вы получите некое подобие флорентийской бронзы.

По видимому, неисчислимые удары судьбы и годы жесточайшей нужды, подобно троекратному обжигу в печи, придали вид бронзы голове старика, опалив и лицо. Неизгладимые морщины представляли собою какие-то вековечные борозды, белесые в глубине. Это желтое лицо само было вообще сплошной морщиной. Если бы не пучок волос на затылке, его голый безжизненный череп казался бы черепом скелета. Вид у него был еще более несчастный, измученный и угодливо-покорный, чем месяц назад, при сдаче документов.

За ними стояла полноватая дамочка неопределенного возраста, в мини-юбке, в порыжелой черной куртке, в красных колготках и сумочкой из кожи того допотопного животного, которое Адам решил назвать аллигатором. Только в Райсобесе можно встретить такую Марику Рокк. Она похожа была на кошку,

которая схватила зубами собственный хвост и, перестав играть, чего-то ждет.

Мне посчастливилось встать именно за ней.

Не успел я занять очередь, как в вестибюль с мороза ввалилась свежая партия пожилых людей, ехавших со мной в одном вагоне. Бабки, плотно прижав меня к Марике, тут же загалдели, заспорили: «Кто последний?.. Держитесь за мной! Вообще-то я раньше вас вышла из трамвая… просто я шла по тропинке, а вы по газону обогнали меня… Ну, ладно, Бог с вами!.. А очередь-то быстро проходит?»

С момента моего появления очередь, к сожалению, не сдвинулась с места. Я опрометчиво поинтересовался вслух:

— Почему же никого не впускают в кабинет?

— У них еще перерыв,— дружным хором отреагировала старая очередь.

— Дайте им спокойно поесть, хоть раз в сутки.

Как я понял, здесь никто, кроме меня, никуда не спешил. Всем было тепло и уютно в той «живой очереди», похоже комфортней чем дома. Своеобразная тусовка ветеранов труда.

Самой первой в очереди стояла миловидная, весьма опрятно одетая, женщина, в синей шляпке на малюсенькой головке, и в голубой куртке, с аппликацией снежных хребтов Килиманджаро. На спине, поверх синих горных вершин, красовались белые латинские буквы. Такая вот, сине-голубая дама, с очень узкими покатыми плечами, наряд которой будил воспоминания о рекламе «Аква минерале». На вид Акве было лет пятьдесят пять — новичок, только-только пополнивший ряды наших славных пенсионеров. Для нее сегодняшний день, видимо, был знаменательным… выходом в Свет… как первый бал Наташи Ростовой.

За ней стоял дядечка антикварного возраста, до сих пор, по-видимому в 1937 года, читающий все газеты от корки до корки. К величайшему сожалению начало их беседы я пропустил.

— Всю жизнь я проработала в школе учителем истории. И при Хрущеве, и при Брежневе, и при Черненко — и из всех наших правителей все-таки больше всех мне нравился Ельцин. Я его видела, вот так как вас; он приезжал к нам в школу на урок, и даже пожал мне руку. Такой красавец, эти волосы, уложенные справа налево; в жизни он намного выше, чем казался по телевизору. Это мужественный человек. Он четко знал, что ему надо. Мудрый был политик и очень воспитанный и терпеливый мужчина. Я прочла недавно в газете, как дружелюбно и сдержанно вел себя Борис Николаевич на первой встрече с Ясиром Арафатом. Могу вам дадже прочесть, у меня страничка

эта кажется с собой.

— Не стоит! Лучше перескажите суть, я читал эту заметку в декабрьском номере «Аргументов и фактов».

—Читайте вслух! Читайте! — раздались настойчивые голоса из очереди.

— Вы читали, а мы — нет! Пусть прочтет!

Мне показалось, что у «Аквы минерале» это был, заранее продуманный и тщательно отрепетированный, спектакль. Неработающий пенсионер без аудитории,— это хорошо знакомо. Абсолютное большинство, как всегда, победило. Довольная учительница тут же достала из портфеля заготовленный газетный листок, одела очки, и начала громко читать: «Арафат в первый раз встречался с Ельциным в Зеленой гостиной Большого Кремлевского дворца. Как только двери распахнулись и Ясир увидел Бориса, то влюбился в него сразу и навсегда. Долго тряс руку, целовал его щеки и лоб, шептал дрожащими губами слова благодарности за эту встречу. Его небритое лицо лоснилось от удовольствия, а сам он пребывал в состоянии аффекта. Отчего повторно целовал Бориса в лоб, нежно и трепетно, по-восточному лаская его руки…»

Тут, стоящая впереди меня женщина, весьма отдаленно напоминающая Марику Рокк, вздрогнула и, обернувшись комне, широко улыбнулась. Как опытный фотограф владеет лампой-вспышкой, так и она мастерски умела использовать свою улыбку. Этого мне только не хватало! Учительница истории сделала незначительную паузу, как бы приглашая всех к вниманию.

«…Прошли минуты, ажиотаж первого кадра поутих, а Арафат не двигался с места. Он по-прежнему продолжал лежать на широкой груди российского президента, поглаживая ее и что-то бормоча про себя. Ельцин изрядно утомился столь необычным приветствием, жестом руки пригласил Арафата сесть за стол переговоров. Гость неохотно отлепился, вежливо поклонился и направился к маленькому журнальному столику. Он сделал буквально несколько шагов и вдруг, неожиданно для всех, будто что-то вспомнив, снова приблизился к удивленному Борису, снова нежно прижал его к себе и положил голову на президентскую грудь. Ельцин остолбенел.»

Я, честно говоря, тоже. Потому что, если первый раз впередистоящая Марика просто нежно улыбнулась, то сейчас, выкрикнув «Ах!», она дико рассмеялась, как после длительной щекотки и судорожно затряслась, словно имитировала танец живота. А неиссякаемая «Аква минерале» своим громким шипучим голосом, не обращая никакого внимания на смех и выкрики, продолжала утолять жажду пенсионеров: «…После

короткой паузы, не имея возможности отстранить палестинского лидера, Ельцин стал недовольно пучить глаз и кривить рот, мол, что же это такое, в самом деле происходит. Одним глазом Борис Николаевич косил на Арафата, а другим — смотрел на онемевшего начальника службы протокола. Бахрома от арафатовского платка залезла Борису Никоалевичу в рот, он губами пытался освободиться от ворсинок и невероятным образом состроил гримасу. Незаметными плевками через арафатовское плечо он пытался стряхнуть назойливую ворсинку. В конце концов он рукой убрал ненавистный волосок.»

Тут старик антикварного возраста, побледнев и проглотив пару таблеток, резко остановил учительницу на полуслове:

— Ну, в общем-то нам все ясно, он был мужественным и терпеливым человеком. Не надо испытывать теперь наше терпение! Зачем так назойливо размусоливать старую и весьма сомнительную заметку. Кстати, вы забыли еще одну характерную черту нашего бывшего президента, тщательно рекламируемую почти всеми средствами массовой информации — то непредсказуемость. По-видимому эту порочную черту правильнее было бы скрывать, чем возносить. В цивилизованных странах, я знаю, непредсказуемых лементов близко не подпускают к президентским креслам. В тот момент терпеливая «живая очередь» разбушевалась. Посыпались выкрики: «Не мешайте читать! Дайте же закончить! Кому не интересно — не слушайте! А перебивать — некультурно!»

«Аква Минерале» фыркнула, поправив кругленькую синюю шляпку, сползающую на лоб, и продолжила чтение нескончаемой заметки:

«Президент наш выразительно повел бровью, подавая сигнал начальнику службы протокола, и даже открыто возмутился: «Вы что смотрите? Сделайте что-нибудь!» Маленький человек юлой завертелся вокруг политиков. Все, что он сделал — осторожно поправил платок Арафата, убрав подальше от ельцинского лица бляшки головного убора. Прошло немного времени и, наконец, гость сам пробудился от возмущенного президентского сердцебиения, еще раз поцеловал Ельцина в мокрый лоб и прикоснулся дрожащими руками к президентским рукам, после чего…»

— Что же это происходит на самом деле? — завопила Марика, отпрянув как ужаленная и поворачиваясь ко мне лицом. Ее слова были подобны удару грома, предвещавшему грозу. Я на мгновение почувствовал себя в когтях хищной птицы, долго кружившей надо мной, прежде чем наброситься. Неадекватное поведение дамочки стало меня просто раздражать:

— Признайтесь, может, я напоминаю вам покойного родственника или друга детства?

— С чего вы это взяли?

— Просто я заметил, что вы так и съедаете меня глазами…

«Товарищи, не мешайте читать!» — раздались голоса сзади.

В это время кто-то выкрикнул: «Ой, рыба на полу!» Меня будто в прорубь свалили. Как мог я забыть — в моем же пакете два карпа! Заглядываю,— одного нет. Явно, сорванец этот выполз на волю. Ветераны труда развеселились, как дети: «Чья рыба?.. Она еще живая — дергается!.. Откуда взялась?.. Кто обронил рыбу?.. Это же карась! Какой красавец!»

«Нет, это все-таки острозубый карп!» — уверенно произнесла Марика, искоса поглядывая на меня и на свои колготки. Первое, что пришло мне в голову, это отказаться от рыбы… навсегда. Но тут в моем черном пакете, видимо затосковав, задвигался второй карпик и я понял, что рано или поздно меня уличат. Пришлось признаваться публично.

Посыпались вопросы: «Где брали? А сколько стоит килограмм!» Когда я, не успев ответить, нагнулся поднимать проказника, из пакета молча вывалился второй мой дружок. Но импровизированное шоу продолжалось недолго. Дверь кабинета № 2 мягко отворилась, вышла сотрудница и пригласила:

— Чья очередь? Проходите!

Учительница юркнула в комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

Очередь всполошилась:

— Дочитайте, дочитайте! Оставьте хотя бы газету!

Именно в тот кульминационный момент откуда не возьмись в фойе появилась заснеженная королева в темной синтетической шубе, видимо прямо с Войковской. Судя по уверенной походке и искреннему удивлению происходящим,— это была начальник конторы.

— Здравствуйте Ядвига Андроповна!— посыпались звонкие голоса.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! А что это у нас происходит? Чьи это рыбы? — спросила она, погружая блестящий, как клинок кинжала, завораживающий взгляд в мою сторону.

— Эти рыбы мои.

— Я вижу с пустыми руками вы к нам не заходите, то с жалобой, то с рыбой. Это же серьезное учреждение, а не дельфинарий.

Я был так уже взвинчен, что задай мне начальник еще хоть один вопрос, и я тут же бы излил ей душу при всем честном

народе.

А Ядвига Адроповна продолжала:

— С чем только не приходили к нам пенсионеры: с собачками, с кошечками, с попугайчиками, с филе окуня, а вот с живыми карпами — впервые. Неужели вы, серьезный человек, надеялись, что мы вас впустим в кабинет с этими террористами-отморозками. Они же нам всю оргтехнику переколотят.

Больше всех происходящим была довольна Марика Рокк. Кстати, я подошел к ней и попросил извинения. Ее молчание было для меня красноречивым ответом. Люди так легко вносят нас в позорные списки и так становятся несговорчивы, когда приходится нас оттуда вычеркивать. Кто-то из очереди попытался меня защитить:

— Попросите вон, деда, пусть палкой их пару раз трахнет.

Но директрисса была неумолима:

— Выходите, причем немедленно.

— Я ведь потеряю очередь! А что мне делать с рыбой?

— Решайте, пожалуйста, свои проблемы на улице, хоть кирпичом их бейте по башке, с живыми же в кабинет я вас не впущу.

Спорить было безнадежно. Я поднял с пола своих обормотов и, с трудом запихнув их в черный пакет, молча вышел во двор. Ни во дворе, ни на прилегающих улицах ни одного кирпича найти я не смог. Под снегом, видимо, спрятаны все бесхозные стройматериалы. Можно конечно уложить рыбешек штабелями на рельсы, трамваи здесь ходят довольно-таки часто. Но бдительная милиция может заподозрить терракт. Попробовать что ли со всего маху шлепнуть их об стену Райсобеса; но так можно легко угодить и в дурдом. Но я решил просто: с живыми осторожно вернуться в контору. Не будет же начальник проверять убил я их, или тяжело ранил. Для этого нужно поплотнее упаковать их в два-три пакета, которых у меня не оказалось. Отправился искать в киосках; пришлось доехать аж до самого метро.

Короче говоря, пока я занимался рыбой,— Собес опустел: социальные карты, видимо, кончились. Но свет везде почему-то горит… появилась крохотная надежда. Осторожно стучу в дверь кабинета… «Заходите!» я от радости швырнул своих оболтусов под стул, стоявший у двери, а ввалился в комнату.

— Слушайте, где вы были? Мы вас заждались. Все запланированные на сегодня давно уже прошли.

— А я не думал, что все это так быстро.

— Садитесь и слушайте меня внимательно: социальная карта — это пожизненно ваша личная карта и вы не должны передавать ее никому! Запомните на всю жизнь свой секретный код! Ни при

каких обстоятельствах не вздумайте показывать кому-либо свой ПИН-код!!!» и прочее..

Затем мне торжественно вручили карту и конверт. На бесплатной фотографии себя я просто не узнал; со снимка на меня нагло взирал Армен Джигарханян в роли вора в законе. Меня в Собесе так искусно нашпиговали ПИН-ами и КОД-ами, что выйдя на улицу, я почувствовал себя завербованным агентом особого назначения. Вообще, во всем этом мероприятии была какая-то интрига. Было что-то необъяснимо-таинственное и в их секретном коде и в самой карте. Тем не менее, из Собеса я вышел в приподнятом настроении, даже с каким-то чувством гордости за себя, за Райсобес и вообще, за всю нашу Родину. Мне казалось, что жить теперь будет легче, и даже веселее.

Помню такое же чувство овладевало мною трижды: при получении медали «Ветеран труда», ваучера и страхового полиса, который я благополучно потерял в тот же день. Я убедился, что жизнь для меня то рай, то ад попеременно; но если она перестает быть тем и другим, это наводит на меня тоску.

Подъезжая к метро «Щукинская», издали заметил вывеску «Карп живой». Я аж вздрогнул… В Собес, естественно, в третий раз я не вернусь. Решил заглянуть на рынок. Подхожу к любимому плакату; сидит мой продавец-весельчак, на перевернутой вверх дном бочке, и курит.

Задаю ему, второй раз за сегодняшний день, нелепый вопрос:

— А карп живой у вас есть?

— Завтра с утра завезут. Вы же сегодня у меня брали двух красавцев по семьсот грамм, помню на сто двадцать рублей.

— Я их уже съел.

— И как, вкусными оказались?

Вопрос повис в воздухе.

Я начал ощущать тяжелое, гнетущее чувство, именуемое чувством долга, и уныло поплелся к метро. По дороге домой я пришел к убеждению, что газеты и журналы можно смело не читать; нужно просто периодически посещать сегодняшнее заведение. Важно, что там проводится не просто формальная читка статей, но и их глубокий анализ, чего нам так не хватало на политзанятиях прошлого столетия.

Из дома еще пару раз безрезультатно позвонил в «Россию», быстро пообедал и, как было запланировано, помчался на выставку.

Белый зеркально-мраморный зал Дома Архитектора был заполнен зодчими, в основном бывшими бакинцами, среди которых мелькали и академики, и лауреаты госпремий, и профессора… От этого они не перестали быть нашими родными

земляками. С кем-то из них мы не виделись примерно лет сорок, а то и по пятьдесят — и это тоже не столь важно; главное, что мы были очень рады встрече и в конечном итоге все друг друга узнали. Сама выставка была весьма объемной и интересной.

Акварели подкупали своей искренностью и теплотой. Здесь полная непосредственность и простота: что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное… По-видимому, у Шурика более обостренная, чем у нас, тяга к Востоку, к его архитектуре, краскам, искусству, особенно прикладному,— все эти ткани, одежда, украшения, утварь… И конечно же любовь к его кухне, пахучей зелени, чуреку… Кстати, Путников всегда преподносил нам, бакинцам, приятные сюрпризы, после которых необходим основательный тайм-аут, чтобы их осмыслить. И сегодняшний вечер не был исключением. Всем присутствующим было предложено спуститься вниз, в ресторан «Архитектор» на непредвиденный фуршет. Обстановка в ресторане была настолько неофициальной и раскованной, будто бы мы не расставались с некоторыми земляками на сорок лет, по-прежнему встречались через день, с кем на работе или на Торговой, а с кем и вечерами на бульваре. Трое из наших земляков устроились у камина прямо на полу, слегка смягчив его негостеприимную поверхность подушками с кресел. В динамиках мягко звучала наша бакинская музыка. А за столами ни единого кавказского тоста… чиста европейский фуршет… все изыскано и вкусно… Ни тамады, ни, тем более, массовика-затейника. Я почему-то все это как-то связал с огромным нашим желанием вступления в Евросоюз.

После трех рюмок «Реми Мартин»,— скука, раздражение и запутанность дневных событий — отступило куда-то на задний план… И когда растаяли тревоги, все приобрело какой-то отвлеченный, символический смысл… Да и сам я до некоторой степени стал символической фигурой — этаким воплощением столичного кутилы, безумного мечтателя, блистательно прожигающего жизнь… Как точно подметил Михаил Жванецкий, «коньяк — это такой напиток, который всегда тянет позвонить женщине. Он вызывает ощущение, что тебя там где-то еще ждут»…

Один из присутствующих именитых зодчих, недавно побывавший на родине, вспоминал: «Баку, конечно же очень изменился: причесаны парки и скверы; на улицах стало чище и светлее. Построено много новых зданий… в основном турками… наверное красивых? Но это архитектура не Тер-Микелова и Баева, не Усейнова и Дадашева, не Шульгина и Товмасяна… Это нечто другое, весьма спорное… по-видимому более крутое или супер-продвинутое — как сегодня принято говорить. Это мое личное

мнение и естественно его можно оспаривать… А по Торговой улице так же допоздна гуляют такие же красивые девушки, как и в наши шестидесятые».

С официальным поздравлением выступил посол Азербайджана в России, поблагодаривший Путникова за любовь к нашему городу и его архитектуре, которую он так талантливо сумел передать в своих акварелях.

Меня попросили сыграть «Идет весна по Апшерону» и когда я сел за рояль мне казалось, что кровь готова была брызнуть из кончиков моих пальцев, а голова — лопнуть от напряжения, как перегретый паровой котел. В зале погасили свет… зажглись тусклые свечи. Приятно было смотреть, как меняет оттенки полутьма ресторана, как, то серебром, то золотом вспыхивают в ней огоньки сигарет.

Неожиданно прервал тишину директор Дома Архитектора: «Уважаемые дамы и господа! Спасибо вам большое за прелестный вечер, первым долгом за интересную выставку, живую музыку и доброжелательную атмосферу; бывайте у нас почаще, а мы со своей стороны приложили максимум усилий, чтобы вам всегда у нас было тепло и уютно».

Вечер, к сожалению, окончен. Случалось ли вам когда-нибудь видеть сверкающего золотом, парящего в небесах, бумажного змея — гигантскую бабочку детства? Дети на миг забывают о ниточке; случайный прохожий ее обрывает, метеор, как говорят школьники, клюет носом и падает с головокружительной быстротой на землю. Так было и со мной, когда я услышал эти заключительные слова. Разговор о Баку, да и весь вообще разговор, повис в воздухе. Среди осколков последних пяти минут, проведенных за столом, мне запомнились лишь огоньки горящих свечей… Все стали медленно подниматься в вестибюль. Прощались мы трогательней, чем встретились, будто еще на ближайшие сорок лет, которых впереди просто не просматривалось… Меня еще била дрожь, когда мы вышли из Дома Архитектора, но достаточно было пройтись по уютному Гранатному переулку, как она унялась.

По пустынной нашей улице от метро «Октябрьское поле» шли мы с Наташей молча, каждый со своими впечатлениями. В моей памяти этот вечер остался сумятицей красок, мгновенных впечатлений, бакинской музыки, нежной, как любовное признание; чарующим хороводом бликом и теней, мельканием движений и лиц. Из-за сильного ветра со снегопадом приходилось периодически жмурить глаза… мелькание продолжалось… нет-нет вспоминались знакомые лица и… тут же исчезали. Неожиданно, как в клипе ужасов, появились чьи-то глубокие

морщины… а следом растрепанная прядь волос… трясущийся, с длинным ногтем, указательный палец… и кадр улетучился. Затем все черты слились воедино.: крупным планом представилось молодое морщинистое лицо со спутанными волосами, на фоне которого трясся безобразный указательный палец… Изображение продержалось чуть дольше предыдущих. Того человека я не узнавал… нет! Я где-то его все ж таки видел! Кадр повторился… еще и еще… Я сосредоточился…

Ясно! Так это же тот самый молодой человек, который утром засыпал рекламный щит, и притом большой поклонник Бутмана и Долиной. Меня потянуло обратно к метро, к той нещадно заваленной рекламе. Я решил выяснить во что бы то ни стало, именно сегодня, прямо сейчас, кто же к нам все-таки приезжает из мировых звезд джаза. Это было не столько сознательным решением, сколько инстинктивной реакцией.

План действий был разработан молниеносно.

Придя домой, достаю с антресоли самую дорогую мне коробку. В ней хранятся: дедушкин галстук, привезенный им в 1913 году из Варшавы; пробитая насквозь немецкая каска, образца 1942 года и советская саперная лопата — сувенир с военных сборов 1955 года. Галстук и каску откладываю, а вот лопата мне весьма кстати. Вся процедура заняла не более трех минут. Одеваю старый меховой тулуп, шапку-ушанку, лопату — подмышку, поводок в руках, собака на старте… Внимание… Марш! И мы на улице. Там не души! Кто это осмелился говорить, что в такую погоду хороший хозяин почему-то свою собаку?.. Вспомнил, это кажется Реми Мартин.

На ходу успеваю разработать схему раскопок. Исходя из размеров щита, в концерте принимают участие пять коллективов. Два из них у меня в кармане, остается выяснить еще тройку. Сверхважно попасть лопатой в фамилию, а не в лицо. Прикидываю и приступаю к работе. Минут через пять пробурил приличную скважину, но осечка… чья-то губа. Стоп.. стоп!.. знакомая улыбка… возьмем чуть выше и правее… поймать хотя бы глаз. Еще небольшой напряг…и из-под снега засиял сосредоточенный взгляд — глаза в очках с роговой оправой… стоп! Не может этого быть! Майкл Бреккер! Ничего себе, сам Бреккер! Я готов, невзирая на мороз, проводиться здесь хоть до утра; собаку правда жаль. Откровенно говоря, в абсолютно трезвом состоянии на такую операцию я бы не пошел. Моя схема поисково-разведочных работ полностью себя оправдала. За какие-то двадцать пять минут я выявил всех музыкантов. Это оказались три известных американских состава: Квинтет саксофонистов Майкла Бреккера; Трио гитаристов Джон Скоффилда; Тутс

Тилимэнс (губная гармоника).

Ура! Через месяц я кажется буду на замечательном концерте. Мой верный соратник Стинг, принимавший, в сложных метеоусловиях, активное участие в ночных раскопках, был доволен больше меня; он интуитивно чувствовал и радовался, что мы нашли все то, что искали.

Войдя во двор, встретили пенсионера из соседнего подъезда, с которым мы в течение десяти лет выгуливаем своих ненаглядных, беседуя, в основном, о погоде. Под впечатлением удивительного сегодняшнего вечера, я вспомнил и рассказал ему о давнишнем бакинском дворе сороковых годов:

— В не поверите, что все соседи нашего двора жили одной большой дружной семьей, зная даже, что у кого на обед.

— Это и хорошо и плохо! Ответил безымянный знакомый. Если бы вы вдруг выяснили, что я ел на обед, боюсь не пожелали бы больше со мною общаться.

Я поднялся домой, накормил Стинга, бросил саперную лопатку и улегся спать. Я долго лежал с открытыми глазами, словно паря в пустоте… Воображение рисовало мне новые и новые повороты событий сегодняшнего, на редкость сумбурного дня…

Жизнь пробегает молниеносно. Иногда мне даже страшно представить, что мне семьдесят лет. Я думаю: неужели я уже пенсионер?! И тут же сам себя одергиваю: нет! Я пока еще молодой!..

Английский поэт Сэмюэль Джонсон сказал «В семьдесят семь лет пора уже стать серьезным!». Может в семьдесят семь я стану серьезным старым дядечкой. Но сегодня — нет!!!